

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ: ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассматриваются вопросы историографии культурно-исторического познания.

Осмысление исторической реальности в ракурсе культуры, поиски культурных оснований действительности имеют в новоевропейской гуманитаристике давнюю традицию. Ее постоянное присутствие в исследовательской практике, пусть и не оформленное институционально, сопровождается периодической актуализацией культурно-исторической проблематики в широком научном сознании.

Становление историософских теорий, опирающихся на анализ культурных реалий, непосредственно связано с формированием принципа историзма в новоевропейском гуманитарном познании. При этом ранние культурно-исторические концепции, совпав во времени с эпохой Просвещения, серьезно расходились с ее идейно-эпистемологическими установками.

В первой четверти XVIII в. Дж. Вико, итальянский мыслитель, чье имя после долгого забвения заново открыл для мировой гуманитаристики П.А. Сорокин, высказал мысль о том, что смена исторических эпох непосредственно связана с изменением характера сознания людей, их способов суждения, представлений о мире [1]. Поскольку история творится людьми, то принципы ее развития «возможно открыть в видоизменениях самого человеческого сознания» [1. С. 118]. Специфика исторической эпохи, по убеждению Дж. Вико, находит свои проявления в самых разных сторонах жизнедеятельности общества: в поэзии, религии, законах, структуре социальных институтов и т.д. В построениях ученого история предстает как целостный процесс, являющий собой не только социальное, но и культурное развитие общества, включая динамику конкретных форм жизни и образ мыслей людей в различные исторические времена.

Для характеристики культурного контекста социальной действительности Дж. Вико использовал понятие *Humanitas* («человечность»). С конца XVIII в. в категориальный аппарат философии, а позже – истории и социологии прочно входят термины «культура» и «цивилизация» в понимании, близком современному и употребляемые нередко как синонимы.

И.Г. Гердер, философ-просветитель конца XVIII в., применял термин «культура» при анализе исторического опыта различных народов. Во многом разделяя историософские взгляды Дж. Вико, оставшегося не оцененным по достоинству другими деятелями Просвещения, он понимал под культурой самобытный уклад жизни, специфические для каждого конкретного народа системы ценностей, способы осмысления мира [2].

Философия истории и культурфилософские воззрения И.Г. Гердера оказались ближе по духу скорее романтикам, нежели просветителям. Идея поступательного и унифицирующего все исторические сообщества прогресса, лежащая в основе просветительских представлений о содержании мирового исторического дви-

жения, осталась чуждой романтической историографии, принципы которой сформировались в первой половине XIX в., но находили развитие и в более поздние периоды. Пространство мировой истории мыслилось романтикам средоточием бесконечного разнообразия самобытных и самодостаточных, автономно развивающихся культур. Ведущей эпистемологической установкой романтической историографии был принцип историзма, в соответствии с которым каждое историческое явление рассматривалось как неповторимый феномен и интерпретировалось с точки зрения миропредставлений и ценностей той конкретной культурной среды и эпохи, к которой оно принадлежало. Не разделяли романтики и просветительского понимания культуры как некоего образцово-нормативного состояния социума, достижимого лишь на определенной стадии общественного развития. Культура трактовалась в историософии романтизма как уникальный способ жизни того или иного народа.

Выявление самобытных культурно-исторических черт, особенностей народного духа и национального характера в каждом изучаемом явлении ставилось в качестве первостепенной исследовательской задачи учеными, принадлежавшими к различным направлениям романтической историографии – от историко-политических течений как консервативного, так и либерального толка до исторической школы права. Но особенно заметно эта романтическая установка прослеживается в трудах представителей мифологической школы – филологов, выходявших в своих научных штудиях далеко за пределы литературоведения и языкознания и заложивших основы историко-компаративного изучения культуры. Методологический инструментарий А. Шлегеля, Я. Грима и их соратников был воспринят российской академической наукой в лице русской мифологической школы, сложившейся в середине XIX в., и нашел творческое применение в трудах Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева и других специалистов в области фольклористики [3–6].

Новые формы и методы культурно-исторического познания обретает в ту пору, когда наиболее распространенным методологическим основанием исследовательской практики как в естественных, так и в общественных науках становится позитивизм (начиная с 1830-х гг. и особенно во второй половине XIX в.). Чрезвычайная влияние позитивизма на умы той эпохи объясняется его значительными и несомненными успехами на путях поисков всеобщих закономерностей в природе и человеческом бытии. При этом, вопреки расхожему мнению, что в рамках позитивизма «вопрос о необходимости проникновения исследователя в историко-культурный контекст изучаемой эпохи вообще не ставился» [7. С. 179.], позитивистская методология позволила существенно обогатить исследовательскую практику в данном направлении.

Заметным явлением социально-гуманитарного познания второй половины XIX – начала XX в. стала культурно-историческая школа, представленная учеными-позитивистами различных специальностей. Основатель культурно-исторической школы в историографии, швейцарский историк и философ культуры Я. Буркхардт базировал свою общеисторическую концепцию не столько на анализе государственно-политических реалий, сколько на исследовании культурных аспектов истории – развитии науки, литературы, искусства, техники, быта [8]. Культуру, под которой ученый понимал «всю сумму процессов развития духа» [9. С. 56], он считал одним из ключевых факторов развития мировой истории.

Французский философ, социолог и историк искусства И. Тэн, основавший культурно-историческую школу в искусствознании и литературоведении, продемонстрировал в своих научных изысканиях широкий культурологический подход. Стремясь раскрыть механизм общественных перемен, познать действие исторических законов в различных сферах существования человека, он предложил метод исследования духовной жизни общества, предполагающий установление системных связей между художественным творчеством и другими социокультурными доминантами: «Исходная точка этого метода заключается в признании того, что художественное произведение не есть одинокое, обособленное явление, и в отыскании поэтому того целого, которым оно обуславливается и объясняется» [10. С. 8]. Глубинным основанием любого литературно-художественного произведения, по мнению И. Тэна, следует признать «нравственное и умственное состояние» [10. С. 9] той эпохи, в которую жил и творил его создатель: «...чтобы понять какое-нибудь художественное произведение, художника или школу художников, необходимо в точности представить себе общее состояние умственного и нравственного развития того времени, к которому они принадлежат» [10. С. 10]. Предметом исследования И. Тэна были не столько искусствоведческие проблемы, сколько общественная природа искусства, связь творчества со средой, породившей художника, с эпохой и условиями его жизни. Под «средой» мыслитель понимал прежде всего нравы и мировоззрение конкретного общества, его социокультурную специфику. Для раскрытия особенностей этой среды И. Тэн считал необходимым изучение литературных памятников, «из которых будет видно, как люди того времени понимали счастье, бедствие, любовь, веру, рай, ад – все великие интересы человеческой жизни» [10. С. 12]. В некотором смысле метод И. Тэна стал предтечей исследовательского инструментария истории ментальностей.

Германский историк-позитивист К. Лампрехт стал основателем школы культурно-исторического синтеза. В конце XIX в. ученый ввел в Лейпцигском университете семинар по истории культуры, на базе которого впоследствии был создан Институт истории культуры и всеобщей истории. В своих научных изысканиях К. Лампрехт стремился воссоздать синтетическую картину исторического развития общества. В качестве главного предмета исторического исследования он рассматривал культуру в широком смысле слова, включая

в ее сферу не только феномены духовной жизни, но и экономику и общественные отношения. Специфику национальной истории исследователь объяснял особенностями психологического склада народа [11].

Столь же многоаспектный анализ культурно-исторического процесса, но в социологическом ключе, представлен в исследованиях П.Н. Милюкова, также разделявшего позитивистскую парадигму истории [12].

Методологическая установка позитивизма на выявление всеобщих закономерностей способствовала значительному накоплению эмпирического материала в области исследования культурных аспектов истории и позволила ученым сформулировать ряд важных теоретических выводов. Вместе с тем культурно-исторические изыскания в мировой гуманитаристике второй половины XIX – начала XX в. не сводились только к позитивистскому историописанию.

В 1860-е гг. Н.Я. Данилевский разрабатывает свою теорию культурно-исторических типов [13], в определенном смысле восходившую к построениям Дж. Вико и романтиков и, в свою очередь, предвосхитившую относящиеся уже к XX в. концепции О. Шпенглера, П.А. Сорокина, А. Тойнби, в которых история предстает как циклическая смена самобытных культур (цивилизаций) [14–16]. Н.Я. Данилевский, как впоследствии и авторы различных цивилизационных теорий, стремился выявить и осмыслить закономерности развития конкретных обществ, но отрицал существование единой общечеловеческой цивилизации и идею культурного прогресса.

На рубеже XIX–XX вв. представители баденской школы неокантианства в своих теоретических трудах пытаются переосмыслить цели исторической науки. В противоположность позитивизму, констатировавшему единство исследовательских методов и критериев для всех наук, неокантианцы В. Виндельбанд, Г. Риккерт и другие обосновывали различие способов естественно-научного и общественно-гуманитарного познания. Подразделяя научную сферу на «науки о природе» и «науки о культуре», они определяли первые как номотетические и генерализирующие, т.е. постигающие общие законы, а вторые – как идиографические (от лат. *idios* – своеобразный) и индивидуализирующие, т.е. изучающие единичные, неповторимые явления. История позиционировалась неокантианцами как главная из наук о культуре, назначением которой является описание уникальных феноменов, обладающих культурной ценностью и вследствие этого обретающих историческое значение [17–19].

В начале XX в. в гуманитаристике наметилась тенденция к преодолению крайностей позитивистских и неокантианских позиций, их мнимой непримиримости. В это время активно разрабатываются методологические основы междисциплинарного синтеза, предлагаются исследовательские подходы, предполагающие теоретическое осмысление изучаемых исторических явлений при одновременном раскрытии их индивидуальных, самобытных черт. Французский философ и социолог, автор теории исторического синтеза А. Берр объединяет творческий потенциал представителей множества общественных и естественных наук для комплексных социокультурных исследований в области истории. Благодаря его усилиям был учрежден Ме-

ждународный центр синтеза, издавалась серия исторических монографий «Эволюция человечества. Коллективный синтез», проводились научные семинары по проблемам исторического синтеза, был основан теоретический «Журнал исторического синтеза», который спустя годы Л. Февр назовет «постоянным голосом протеста против всего, что старается нарушить единство человеческого духа, против всяческих барьеров, возводимых между различными сторонами его проявления» [20. С. 127].

С критикой жесткого разграничения методов гуманитарных и естественных наук выступил немецкий ученый М. Вебер [21], чью дисциплинарную принадлежность трудно строго определить, поскольку этот мыслитель сочетал в своей научной деятельности профессионализм социолога, историка, экономиста, юриста. Широкий междисциплинарный круг научных интересов позволил М. Веберу обосновать концепцию многофакторности истории. Интегрирующим элементом аналитических построений ученого выступают культурные механизмы исторической динамики, поскольку сущность любого исторического явления или процесса определяется его культурным смыслом. М. Вебер исследовал процесс становления современной западной цивилизации в аспектах его религиозно-этических мотиваций, в плане формирования определенной системы ценностей, особого типа мышления («духа капитализма») [22]. При таком подходе переосмысливается сам предмет истории: «Автор “Протестантской этики и духа капитализма”, подчеркнув активное воздействие религии и других духовных структур на общественную жизнь и производство, тем самым поставил в центре исторического исследования мыслящего, чувствующего и деятельного человека. Вместо политико-экономических и социологических абстракций в фокусе исторического анализа оказывается человеческий индивид» [23. С. 76–77].

В межвоенный период складывается новое направление исторического поиска, которое позже получит название «история ментальностей». Оно разрабатывалось изначально на материалах западноевропейского Средневековья, но выработанные в его рамках методологические принципы подтвердили свою научную значимость и применимость в более широкой историографической практике. Основоположником данного направления принято считать нидерландского историка Й. Хейзингу [24], однако параллельно с ним в том же культурно-историческом ключе работали представители петербургской школы медиевистики, в частности Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли и др. [25–31].

В рамках этого направления назначение истории трактуется как построение интегрированного знания о культуре. Исходной посылкой выступает мысль о своеобразии форм мышления в различные эпохи, что побудило исследовать характерные черты мировидения, поведенческие реакции и стереотипы, установки коллективного сознания, специфику жизненного уклада конкретного социума. Исследовательские интересы историка оказываются сосредоточенными на человеке, его внутреннем мире: «Личность есть в конце концов единственный реальный фактор исторического процесса», – настаивал П.М. Бицилли [27. С. 12–13]. Его на-

учные убеждения разделял и Л.П. Карсавин, утверждавший: «Предметом истории является человечество» [28. С. 1]. Человечество, т.е. главный предмет истории, ученый рассматривал в единстве политического, социального, духовного развития. Непрерывная цепь исторических изменений, вся деятельность людей в истории направляется психологической сферой: потребностями, желаниями, чувствами, настроениями. Эта сфера находит свои проявления во всех аспектах жизнедеятельности общества, от социально-экономических отношений до религиозной и философской областей [29. С. 1].

Решения и поступки человека во многом определяются сложившимися культурными традициями, характером мировосприятия, картиной мира. Мировоззренческие основы развития общества могут служить интегрирующим началом культуры. Их анализ важен для выявления взаимосвязи всех сторон жизни при изучении исторической действительности и моделировании целостного образа культуры: «Неповторимое своеобразие той или иной эпохи составляют некие свойственные только этой эпохе формы и приемы мышления и свойства человеческого духа, который одинаково обнаруживается во всех ее продуктах» – подчеркивал П.М. Бицилли [27. С. 11]. Поэтому задача историка состоит в том, чтобы «осознать, почему в известное время и в известной среде создаются те, а не другие ценности-символы, свести творческую деятельность единиц и масс к ее общему источнику, истолковать психологически культуру...» [26. С. 224].

Глубокая, многоплановая разработка истории ментальностей и методологии исторического синтеза нашла свое осуществление в научной деятельности французской школы «Анналов». Сложившаяся первоначально вокруг журнала «Анналы экономической и социальной истории», основанного Л. Февром и М. Блоком, эта школа насчитывает уже несколько поколений исследователей. Главным предметом исторического познания для ученых школы «Анналов» стал человек и принципы его взаимодействия с миром. Основной исследовательской целью явилось стремление обнаружить специфику социальной психологии и сознания человека изучаемой эпохи, неизбежно присутствующую во всех формах жизнедеятельности, включая материально-хозяйственные отношения, социальные структуры и институты, системы права, искусство, религию, быт, образ жизни, обычаи и традиции и т.д. На первый план исторических изысканий вышла реконструкция картин мира различных эпох, т.е. изучение специфических черт мировосприятия, социального поведения, жизненного уклада, коллективного сознания, представлений, верований, ценностных ориентаций общества [32–39]. Л. Февр подчеркивал: «...Ни механизмы общественных учреждений, ни идеи той или иной эпохи не могут быть поняты и разъяснены историком, если он не охвачен первоочередной заботой...: стремлением увязать, соизмерить каждую совокупность условий существования данной эпохи со смыслом, который вкладывают в свои идеи люди этой эпохи» [40. С. 118].

Исследовательская стратегия школы «Анналов», благодаря оригинальным подходам к исследованию прошлого, получила наряду с наименованием «история

ментальностей» определение «новая история», или «новая историческая наука» (la Nouvelle Histoire). Представители школы «Анналов», строго говоря, не были первооткрывателями темы человека в истории, но именно их трудами она стала неотъемлемой гранью мировой историографии.

«Новой исторической науке» пришлось в течение десятилетий отстаивать свои позиции в условиях господства традиционного историописания, воспроизводившего привычные модели экономической и политической истории и тяготевшего к предельным обобщениям без учета специфики локальных культур, конкретных исторических явлений и ситуаций. Подлинное признание школы «Анналов» и «новой исторической науки» пришло в 1960–80-е гг., когда в мировой историографии явственно обозначился рост профессионального внимания к культурным аспектам исторической действительности. Этот процесс, определяемый как «антропологический поворот» в историческом познании, во многом изменил представления о проблематике, задачах и подходах исторической науки. Все более очевидной становилась недостаточность внешне-событийной, экономически и социально детерминированной истории, пришло осознание необходимости взгляда на историческую реальность с точки зрения представлений и ценностей самих участников исторического процесса.

В те годы заметным явлением в историографии стал все более возраставший интерес историков к социальной и культурной антропологии (этнологии): «С конца 1960-х гг., в поисках способа связать культуру с обществом, они обратились к антропологии как альтернативе представлению, что культура – лишь отражение общества, надстройка, что-то вроде сахарной глазури на торте» [41. С. 71]. Теоретические выкладки и эмпирические разыскания культурантропологов XIX–XX вв. обнаружили свою актуальность для историков в методологическом плане. Методы антропологии оказались вполне применимыми при исследовании уже отживших, ушедших в прошлое культур. История, повернувшаяся в сторону внутреннего пространства человека, начала восприниматься как «историческая антропология». Однако не только этнологические импульсы побуждали к разработке историко-антропологической или культурно-исторической проблематики. «Антропологический поворот» стимулировал новое прочтение трудов историков культуры конца XIX – начала XX в., лингвистов, фольклористов, психологов, философов прошлого и современности, в которых затрагивались вопросы мировидения в различные культурно-исторические эпохи.

Отечественная гуманитаристика не осталась в стороне от процесса антропологизации истории, ставшего одной из ведущих тенденций мировой исторической науки XX в., особенно его второй половины, несмотря на то, что в советское время культурно-историческая проблематика фактически оказалась вытесненной на периферию исторических штудий. Формационный подход не исключал исторических исследований в области культуры, но задавал им специфические условия. Культура трактовалась как явление надстроечное, производное от материально-экономических отношений, поэтому она изучалась, как правило, с позиций партийно-классового принципа и в первую очередь в аспекте проблем общественно-политического сознания. Изуче-

ние вопросов культуры в те годы в основном сводилось «к отражению политико-идеологического функционирования отраслей культуры, что полностью соответствовало доминирующему тогда пониманию ее роли» [42. С. 154]. На методологической основе марксистско-ленинского учения создавалась не столько культурная история (то есть история общества в ракурсе культурных механизмов его развития), сколько история культуры, содержание которой сужалось до странного перечня выборочных явлений общественной жизни, включавшего вершинные произведения литературно-художественного творчества, научные достижения, уровень образования и здравоохранения, развитие сети культурно-просветительных учреждений [43–45]. Такой подход давал очень многое в плане накопления фактического багажа, но отводил культурным явлениям второстепенную, подчиненную роль в жизнедеятельности общества.

Вместе с тем, вопреки методологической гегемонии теории исторического материализма, не рассматривавшей культуру в качестве самостоятельного предмета исторического познания, в историографии советского периода развивались и подходы, ставившие в центр культурно-исторического исследования проблемы человека, его самосознания, отношений с миром. О.А. Добиаш-Рождественская, Б.А. Романов и другие историки, фольклорист В.Я. Пропп сохраняли преемственность с традициями дореволюционной отечественной историографии в изучении мировидения и жизненных ориентаций людей прошлого [46–48]. Стремлением взглянуть на мир глазами человека изучаемой эпохи проникнуты научно-философские размышления М.М. Бахтина [49]. Особенности мышления и поведения людей далеких эпох, диктовавшиеся спецификой социокультурной среды, к которой они принадлежали, рассматривались в культурно-исторических трудах Д.С. Лихачева и А.М. Панченко [50–52]. Формы духовного взаимодействия человека с миром в различные культурно-исторические эпохи исследовались методом проникновения в глубинные пласты индивидуального и коллективного сознания Ю.М. Лотманом и другими учеными семиотического круга [53–57]. Проблемы социальной психологии в историческом измерении поднимал в своих трудах и в работе возглавляемого им в 1960–70-е гг. научного семинара Б.Ф. Поршнев [47, 58]. Менталитет безымянных участников исторического движения стал основным предметом профессиональных изысканий А.Я. Гуревича [59–62]. Личностное начало в культуре, индивидуальные человеческие проявления в условиях корпоративного общества вошли в круг научных интересов Л.М. Баткина [63, 64].

С отказом отечественной гуманитаристики на рубеже 1980–90-х гг. от безусловного подчинения априорным предельно социологизированным объяснительным схемам постепенно начинает признаваться равноценность различных теоретических подходов к историописанию. Следствием методологического плюрализма становится стремительное расширение проблемно-тематического поля истории. Среди важнейших тенденций, определяющих облик современной отечественной исторической науки, обращает на себя внимание заметная активизация культурно-исторических штудий как в форме эмпирического исследования конкретных

сюжетов, так и в плане глубокой разработки вопросов методологии и историографии, о чем свидетельствуют массовое переиздание отечественных и зарубежных трудов по культурно-исторической проблематике, появление новых монографий, многочисленных сборников научных статей и докладов, учебных пособий в данной области, дискуссии на научных форумах.

Исторические изыскания в области культуры демонстрируют широкий спектр исследовательских позиций. Наряду с трудами, создаваемыми в прежних традициях истории культуры – насыщенными фактическим материалом, но описательными, пусть и лишенными откровенной идеологизации [65], – продолжаются и поиски подходов, направленных на раскрытие внутренних смыслов культурно-исторических явлений и процессов [66–79]. Отечественное историческое познание оказалось вовлеченным в примечательный процесс, начавшийся в мировой гуманитаристике на рубеже XX–XXI вв. и определяемый в научном обиходе как «культурный», или «культурологический поворот». Это новое явление означает не столько радикальное методологическое обновление исторической науки, сколько дальнейшее развитие антропологически ориентированной истории: продолжающееся расширение ее проблемно-тематического поля, углубление теоретических изысканий в области культурной истории, сочетающееся с исследовательским вниманием к разнообразным культурным практикам. В мировой гуманитаристике наметился сдвиг от социально-структурной истории к социально-культурной, в парадигме которой сфера человеческого сознания, повседневное бытование и внутренний мир человека признаются неотъемлемыми составляющими социальной жизни.

«Культурный поворот» задал новые тематические и проблемные направления научного поиска в области антропологически ориентированной истории: наряду с историей ментальностей сложились микроистория (К. Гинзбург, Дж. Леви, Х. Медик, С. Черрути и др.), история повседневности (А. Людтке и др.), «новая культурная история» (П. Берк, Р. Дарнтон, Н.З. Дэвис и др.) [80–84]; история идей, на протяжении долгого времени представавшая преимущественно как анализ общественно-политической мысли, трансформировалась в интеллектуальную историю, изучающую динамику различных форм человеческой мысли в широком социокультурном контексте [85]. Ученые, работающие в данных направ-

лениях, не составляют какой-то единой «школы». Напротив, они демонстрируют самые разные методы и приемы научно-исследовательской работы, выдвигают оригинальные концепции, обращаются к подчас неожиданным источникам и сюжетам исторической действительности. Однако их объединяет общий ракурс рассмотрения исторической действительности: постижение пространства истории в его человеческих измерениях, выявление реалий исторической эпохи через проникновение в суть и способы отношений человека с миром.

Совокупность множества историографических течений культурно-исторической направленности обозначается сегодня различными вариантами обобщающих определений: историческая антропология, историческая культурология, культурная история и т.д. [42, 86, 87. С. 142–156]. Разграничения между различными течениями и направлениями культурно-исторической мысли вряд ли стоит абсолютизировать: «Нельзя упускать из виду, что названия и самоназвания всех ветвей историографии – необходимая условность, удобная маркировка, часто – способ профессионального самоутверждения, но отнюдь не естественное размежевание неких сущностей» [85. С. 12].

Современные историко-методологические искания, в том числе многие широко используемые сегодня теоретические установки культурно-исторического познания, оказались весьма созвучными идеям мыслителей прошлого. Различные школы и традиции, исследовавшие в прежние времена и разрабатывающие сегодня культурно-историческую проблематику, представляют собой не столько целостное интеллектуально-научное направление, сколько совокупность самостоятельных течений научной мысли, оперирующих методами различных наук и опирающихся на многообразные методологические позиции. Объединяющим моментом в их изысканиях выступает изучение культурных контекстов истории, а в связи с этим и основной предмет исследования – человек во времени. И все же, несмотря на отсутствие непосредственной преемственности между ними, даже беглый, далеко не полный историографический обзор в рассматриваемой сфере показывает, что культурные исследования – неотъемлемая часть постижения истории. Культурная история не единственное и не «магистральное» направление мировой историографии, но не менее актуальное и значимое, чем история экономическая или социально-политическая.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев: REFL-book-USA, 1994. 656 с.
2. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
3. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М.: Индрик, 2000. 574 с.
4. *Афанасьев А.Н.* Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М.: Индрик, 1996. 640 с.
5. *Буслаев Ф.И.* Догадки и мечтания о первобытном человечестве. М.: РОССПЭН, 2006. 703 с.
6. *Буслаев Ф.И.* Народный эпос и мифология. М.: Высшая школа, 2003. 398 с.
7. *Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.* История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
8. *Буркхардт Я.* Культура Возрождения в Италии. М.: Интрада, 2001. 534 с.
9. *Буркхардт Я.* Размышления о всемирной истории. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
10. *Тэн И.* Философия искусства. М.: Республика, 1996. 351 с.
11. *Лампрехт К.* История германского народа: В 3 т. М.: Издание К. Солдатенкова, 1894–1896.
12. *Милуков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М.: Прогресс, 1993–1995.
13. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к Германско-Романскому. М.: Известия, 2003. 605 с.
14. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2000. 1054 с.
15. *Тойнби А.* Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
16. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки мировой истории: В 2 т. М.: Мысль, 1998. Т. 1: Гештальт и действительность. 663 с., т. 2: Всемирно-исторические перспективы. 606 с.
17. *Риккерт Г.* Границы естественно-научного образования понятий: Логическое введение в исторические науки. СПб.: Наука, 1997. 532 с.

18. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
19. Риккерт Г. Философия истории. СПб.: Жуковский, 1908. 155 с.
20. Февр Л. Дань признательности Анри Бери: От «Журнала синтеза» к «Анналам» // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 126–129.
21. Вебер М. Критические исследования в области наук о культуре // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 416–494.
22. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272.
23. Гуревич А.Я. Двойная ответственность историка // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 74–84.
24. Хейзинга Й. Осень средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: Наука, 1988. 539 с.
25. Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры. СПб.: Мифрил, 1996. XIV+256 с.
26. Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Пламя, 1925. 339 с.
27. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. XXVII+244 с.
28. Карсавин Л.П. Введение в историю (теория истории). Пг.: Наука и школа, 1920. 39 с.
29. Карсавин Л.П. Культура средних веков. Пг.: Наука и школа, 1918. 244 с.
30. Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв. СПб.: Алетейя, 1997. 421 с.
31. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. 351 с.
32. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.
33. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерки представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М.: Языки русской культуры, 1998. 709 с.
34. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.: В 3 т. М.: Прогресс, 1986–1992.
35. Дюби Ж. Время соборов: Искусство и общество 980–1420. М.: Ладомир, 2002. 378 с.
36. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 325 с.
37. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. 439 с.
38. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992. 372 с.
39. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.
40. Февр Л. Чувствительность и история // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 630 с.
41. Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 5 (75). С. 64–91.
42. Кузнецова Е.И. Отечественная историография культуры: история и перспективы развития (60-е годы XX в. – начало XXI в.) // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 153–157.
43. Очерки русской культуры XIII–XV вв.: В 2 ч. / Под ред. А.В. Арциховского. М.: Изд-во МГУ, 1969–1970. Ч. 1–2.
44. Очерки русской культуры XVI в.: В 2 ч. / Под ред. А.В. Арциховского, А.М. Сахарова. М.: Изд-во МГУ, 1977. Ч. 1–2.
45. Очерки русской культуры XVIII в.: В 4 ч. / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Изд-во МГУ, 1985–1990.
46. Добшиш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. М.: Наука, 1987. 350 с.
47. Пропт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. 340 с.
48. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси (Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.). Л.: ЛГУ, 1947. 344 с.
49. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. 527 с.
50. Лихачев Д.С. Смеховой мир Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 200 с.
51. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
52. Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с.
53. Иванов Вяч.Вс. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976. 300 с.
54. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002. 765 с.
55. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс; Культура, 1995. 621 с.
56. Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. 473 с.
57. Труды по знаковым системам / Отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту: Изд-во Тартус. ун-та, 1964–1992.
58. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории: Проблемы палеопсихологии. М.: Мысль, 1974. 487 с.
59. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
60. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М.: Искусство, 1989. 366 с.
61. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.
62. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 395 с.
63. Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: Стиль жизни и стиль мышления. М.: Наука, 1978. 199 с.
64. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989. 270 с.
65. Очерки русской культуры XIX в.: В 6 т. / Под ред. Г.В. Кошелевой, Л.В. Кошман, Л.В. Дергачевой и др. М.: Изд-во МГУ, 1998–2005.
66. Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой: Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: Изд-во РГГУ, 2000. 1004 с.
67. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: Изд-во РГГУ, 1995. 448 с.
68. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. М.: Наука, 1991. 235 с.
69. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личность и ментальность русского Средневековья: Очерки. М.: Языки славянской культуры, 2001. 175 с.
70. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005. 421 с.
71. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). СПб.: Искусство, 1996. 400 с.
72. Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М.: Наука, 1993. 208 с.
73. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре: В 2 т. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 1. 874 с.; т. 2. 863 с.
74. Успенский Б.А. Царь и император: Помозание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. 140 с.
75. Успенский Б.А. Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Языки русской культуры, 1998. 676 с.
76. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.
77. Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории / Гл. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН; Эдиториал УРСС, 1999–2004. Вып. 1–13.
78. Казус: Индивидуальное и уникальное в истории / Под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова, И.Н. Данилевского. М.: ОГИ, 1998–2003. Вып. 1–5.
79. Одиссей. Человек в истории / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 1989–2006.
80. Берк К. Антропология итальянского Возрождения // Одиссей. Человек в истории. 1993. М.: Наука, 1994. С. 272–283.
81. Гинзбург К. Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000. 269 с.
82. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 378 с.
83. Дэвис Н.З. Возвращение Мартена Гера. М.: Прогресс, 1990. 206 с.
84. Дэвис Н.З. Дамы на обочине: Три женских портрета XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 391 с.
85. Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 12–22.
86. Шартье Р. Новая культурная история // Номо историческое: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. М.: Наука, 2003.
87. Кром М.М. Историческая антропология. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 142–156.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 ноября 2007 г.